

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

РОССИЯ
ЗАПАД
ВОСТОК

ВСТРЕЧНЫЕ
ТЕЧЕНИЯ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АКАДЕМИКА М. П. АЛЕКСЕЕВА

Санкт-Петербург
„Наука”
1996

Д. С. Лихачев, Ю. Д. Левин

КОНКРЕТНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ТРУДЫ М. П. АЛЕКСЕЕВА

Работы Михаила Павловича Алексеева (1896—1981) могут представлять больший или меньший интерес, но они никогда не утратят своего значения, ибо все они связаны с теми или иными фактическими открытиями.¹ Они принадлежат к той области литературоведения, которое может быть определено как *конкретное* и в котором устанавливаются новые для науки факты, изучаются явления, к которым не прикасалось внимание литературоведов, или исправляются их ошибки, неточности, лакуны в знании литературы и авторов.

Конкретное литературоведение устанавливает даты и места, обстоятельства и варианты в написании различных произведений, уточняет или устанавливает биографические данные, причины, побудившие автора взяться за перо или выбрать ту или иную тему, ее версию. Оно изучает влияния — общие и частные, взаимозависимость произведений и их авторов. Оно занимается комментированием — научным комментированием, всегда составлявшим самую соль гуманитарных наук, хотя и вызывавшим подчас ироническое отношение к себе людей, привыкших поверхностно воспринимать творчество писателей и предпочитавших не вдаваться в «частности». Между тем именно «частности» ведут нас к серьезным открытиям и являются самыми убедительными аргументами в научном объяснении творчества писателя.

Конкретное литературоведение приучает к медленному чтению, к углубленному пониманию произведений в реальной обстановке и точному пониманию стиля — не только стилистических особенностей того или иного произведения, но и к пониманию причин появления этих особенностей, их связей или различий с другими стилями. Аспекты конкретного литературоведения необычайно широки и разнообразны: от конкретного анализа «стиля эпохи» до комментирования отдельных мест произведе-

¹ См. библиографии трудов ученого: Михаил Павлович Алексеев / Вступ. ст. Ю. Д. Левина. Сост. Г. Н. Финашина. М., 1972 (Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. лит. и яз., вып. 9); Библиография трудов М. П. Алексеева: 1971—1975 // Сравнительное изучение литератур: Сб. статей к 80-летию М. П. Алексеева. Л., 1976. С. 555—558. К сожалению, полную библиографию трудов, включающую и посмертные публикации, выпустить не удалось.

ния. Однако в нем меньше всего субъективизма, личность исследователя как бы уступает первое место самому изучаемому предмету.

Без специальных исследований (конкретных и иногда «мелочных»), без частных тем изучений не может быть и серьезных обобщающих работ всех типов — от монографий, посвященных отдельным авторам или их произведениям, и до историй литератур и жанров широкого плана. Без конкретного литературоведения изучению литературы грозит субъективизм и исследовательский произвол. Специальные конкретные изучения явлений, фактов больше всего свидетельствуют об уровне культуры исследований, об их точности, четкости определений и доказательности любых обобщений.

Конкретное литературоведение отнюдь не противостоит исследованиям другого характера и другой методологии. Литература — явление чрезвычайно сложное и многообразное. Оно должно изучаться с различных сторон и в различных аспектах, но основа литературоведения — в частных исследованиях, создающих его фундамент. Точность любых научных трудов лежит в предварительных точных же конкретных исследованиях. Эти конкретные исследования развивают наблюдательность, требуют высокой научной культуры, знания сотен побочных специальностей, — побочных, но в то же самое время фундаментальных и основных. Все эти сформулированные нами общие положения практически реализовались в научном творчестве М. П. Алексева. Здесь нет возможности, да и необходимости упоминать все труды ученого, число которых превышает 500. Постараемся охарактеризовать общие принципы его работы.

Обычно все, кому доводилось оценивать научное творчество М. П. Алексева, называли его «ученым-энциклопедистом». П. Н. Берков даже заметил полушутя: «Если бы я не был материалистом и врагом всяческой мистики, то я бы сказал, что в эрудиции М. П. Алексева есть что-то сверхъестественное».² Действительно, научный кругозор М. П. Алексева был необычайно широким и, казалось, свободно преодолевал временные и пространственные границы. Он писал о древних эпохах и о современности, о русской, английской, французской, немецкой, испанской, итальянской, венгерской, американской, бразильской, западнославянских (особенно польской) и скандинавских литературах. Он изучал проблемы языкознания, фольклористики, истории и теории перевода. Вряде своих работ он касался истории музыки как русской, так и западноевропейской и истории изобразительных искусств. Наконец, в своих исследованиях ученый касался широкого круга исторических наук, общественных и политических движений. При этом большая часть его работ строилась на конкретных изысканиях, введении в науку новых, ранее неизвестных фактов.

Такая многосторонность и такое многообразие научных интересов М. П. Алексева являлись закономерным следствием его представлений о единстве мирового литературного процесса и шире — развития мировой культуры. Каждый выявленный факт рассматривался им не изолированно, но во всем многообразии и диалектической сложности его

² Берков П. Н. М. П. Алексеев — историк и теоретик литературы // Русско-европейские литературные связи: Сб. статей к 70-летию со дня рождения акад. М. П. Алексева. М.; Л., 1966. С. 6.

зависимостей, связей и воздействий, в самых различных его проявлениях. Поэтому, например, введение «Из истории русских рукописных собраний», предпосланное сборнику неизданных писем иностранных писателей, выявленных в ленинградских архивах, и посвященное, казалось бы, узкому архивоведческому вопросу, под его пером превратилось в обширное исследование, выясняющее международные контакты деятелей русской культуры, пути проникновения в Россию иностранных автографов и то значение, какое имели для русской литературы эти рукописные материалы, «позволявшие и Пушкину, и людям его поры видеть и ощущать прошлое как сопереживание, как подлинную реальность».³

Конечно, М. П. Алексееву неоднократно приходилось писать главы в общих трудах — для академических историй английской и французской литератур, для учебников по истории западноевропейских литератур, — а также популярные статьи о классических произведениях мировой литературы. Однако необходимость — по характеру жанра — излагать во многом уже известные факты и ранее собранные сведения делала для него работу такого рода мало привлекательной. Как он писал в предисловии к сборнику своих статей из истории английской литературы: «Задача автора состояла прежде всего в том, чтобы коснуться таких литературных фактов и культурных процессов, которые мало освещены в общих пособиях (в особенности на русском языке), представить посильную разработку таких особенностей во всех указанных явлениях, какие до сих пор оставались в тени». При этом ученый стремился выявить различные, ранее не исследованные стороны литературных явлений. «Литературные факты, — писал он далее, — рассматриваются в книге в разных аспектах: то в связи с идейным развитием Западной Европы в период Возрождения («Славянские источники „Утопии“ Томаса Мора»), то в соотношении своем с народным творчеством («Байрон и фольклор»), то в тех соприкосновениях, которые иногда обнаруживают они с прочими искусствами, например с музыкой («Английский трактат XVIII века о музыке и поэзии») или живописью («Теккерей-рисовальщик») и т. д.»⁴

Представление о единстве литературного процесса сосредоточило внимание ученого на многообразных литературных связях. «Все отчетливее выясняется, — писал он в одной из этапных своих работ, — что вполне изолированных друг от друга национальных литератур не существует, что все они взаимосвязаны то общностью своего происхождения, то аналогиями в своей эволюции, то наличием существующих между ними непосредственных отношений и взаимовлияний, то, наконец, двумя или тремя указанными условиями одновременно в их разнообразных возможных сочетаниях».⁵ Вполне очевидно, что эта теоретическая декларация подразумевает и

³ Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний. М.; Л., 1960. С. 111.

⁴ Алексеев М. П. Из истории английской литературы: Этюды, очерки, исследования. М.; Л., 1960. С. 3—4.

⁵ Алексеев М. П. Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия // Труды юбилейной научной сессии [Ленинградского университета]. Секция филол. наук. Л., 1946. С. 179.

утверждает необходимость конкретных и многосторонних литературоведческих исследований.

И такие исследования осуществлялись М. П. Алексеевым в самых разнообразных направлениях. Изучая международные связи русской литературы и культуры и в особенности их международное значение (в чем М. П. Алексеев заслуженно считается первооткрывателем), он выявлял, связывал и научно интерпретировал самые разнообразные, разнородные факты, которые до него воспринимались как сугубо индивидуальные и даже несовместные.

Достаточно привести для примера заглавия некоторых его статей: «Эмиль Золя и Н. Г. Чернышевский» (1940), «Монтескье и Кантемир» (1955), «Вальтер Скотт и „Слово о полку Игореве”» (1958), «Замыслы „Historii przyszłości” Мицкевича и русская утопическая мысль 20—30-х годов XIX века» (1959), «Юрий Крижанич и фольклор московской иноземной слободы» (1969), «„Дневной месяц” у Тютчева и Лонгфелло» (1971), «Державин и сонеты Шекспира» (1975), «Московский подьячий Я. Полушкин и итало-испанский гуманист Педро Мартир» (1976).

Характерным примером может служить исследование М. П. Алексеева «Из истории испано-русских литературных связей».⁶ Ранее эта тема считалась бесперспективной в силу исторической разобщенности двух стран. М. П. Алексеев убедительно опроверг эту установившуюся точку зрения. Не только литературные связи на протяжении четырех веков, но и политические отношения государств, параллельные социальные движения, путешествия, личные контакты литераторов и общественных деятелей, распространение испанского языка в России и русского в Испании, сведения о географии другой страны и т. д. — словом, все многообразные факторы, формирующие представления одного народа о другом, исследовались конкретно ученым, выяснявшим сложные отношения между ними. М. П. Алексеев показал также, как культурные связи обеих стран обусловлены и сходством в процессах их исторического развития и типологической близостью их культур. В сфере же собственно литературных отношений исследовались многообразные формы посредничества, поскольку с испанской литературой в России долгое время знакомились по переводам — французским, немецким, английским, а с русской в Испании — по латинским, французским и польским источникам. Такая широкая и сложная постановка проблемы придала исследованию М. П. Алексеева, помимо непосредственного историко-литературного, и общий теоретический интерес. И эта особенность отмечает, в сущности, большую часть его работ различного масштаба.

Русскую литературу М. П. Алексеев изучал от ее истоков, со «Слова о полку Игореве». Но наибольшее внимание ученый уделял Пушкину и Тургеневу, причем преимущественно он стремился раскрыть универсализм, международный характер их творчества, распространившегося и за пределами родной страны. Характерны уже заглавия некоторых принципиальных, в буквальном смысле новаторских работ: «Пушкин на Западе» (1937), «Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе» (1948),

⁶ Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964. С. 5—170.

«Мировое значение „Записок охотника”» (1955) и т. д. В предисловии к составленному им сборнику своих сравнительно-исторических исследований о Пушкине М. П. Алексеев писал: «Всеобъемлющий и необыкновенный по своему масштабу и универсальности гений Пушкина может быть понят, — как мне это приходилось отмечать уже не раз, — только после многих и длительных усилий, которые мы должны затратить на то, чтобы сопоставить его творчество с различными и разновременными явлениями в мировой литературе».⁷

В широкий международный литературный ряд поставило поэзию Пушкина капитальное исследование М. П. Алексеева, посвященное стихотворению «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Здесь также уместно процитировать авторское предисловие, формулирующее задачу, поставленную им перед собой: «Задача настоящей книги двойная. С одной стороны, необходимо разобраться в большом количестве исследований и критических статей, посвященных „Памятнику” (как, для краткости, мы будем называть ниже это стихотворение (...)). Все многочисленные отзывы о стихотворении, накопившиеся более чем за столетие, в течение которого оно подвергалось весьма разнообразным и противоречивым истолкованиям, никогда не являлись предметом специального критического рассмотрения, а в некоторой своей части и доныне плохо известны специалистам-пушкиноведам; в особенности это можно сказать относительно зарубежной литературы о „Памятнике”, в последнее время быстро пополнявшейся. С другой стороны, опубликованные недавно новые архивные данные о жизни Пушкина в 1836 г. в сочетании с итогами изучения разнообразных проблем, которые ставит перед нами это пушкинское стихотворение, позволяют поставить вопрос о происхождении „Памятника” иначе, чем это делалось до сих пор».⁸

В процитированном предисловии отчетливо проявилась принципиальная установка ученого на всестороннее конкретное исследование историко-литературных фактов самого различного характера. Это исследование включает историю восприятия и толкования стихотворения от первых откликов современников поэта и до наших дней в России и за рубежом; выясняется творческая его история и место в позднем творчестве Пушкина и его биографии последних лет жизни; анализируется образная система, поэтическая семантика, устанавливается круг литературных и художественных ассоциаций, связанных с русскими и западноевропейскими литературами и общественными движениями и т. д. В результате появилась книга, посвященная стихотворению в 20 строк, объемом 20 авторских листов, при этом свободная от безответственных абстрактных рассуждений и полная конкретных фактографических экскурсов, иногда даже побочных по отношению к основной теме, но необходимых автору для прояснения того или иного вопроса, недостаточно ранее исследованного или, наоборот, затемненного обилием толкований.

Особое место в трудах М. П. Алексеева занимало изучение русско-

⁷ Алексеев М. П. Пушкин: сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 3.

⁸ Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: Проблемы его изучения. Л., 1967. С. 5.

английских литературных связей. Начиная со статьи «Ф. М. Достоевский и книга Де-Квинси „Confessions of an English Opium-Eater”» (1922) ученый опубликовал ряд исследований, посвященных отдельным эпизодам взаимного ознакомления двух литератур. В 1937 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Очерки из англо-русских литературных отношений (XI—XVIII вв.)» (опубликованы только тезисы). Позднее, в 40-е годы И. С. Зильберштейн, инициатор и основатель серии историко-литературных сборников «Литературное наследство», указал М. П. Алексееву на несколько автографических текстов английских писателей XVIII—XIX веков, обнаруженных в различных архивах и книгохранилищах. Первоначальная мысль о подготовке этих материалов к печати в виде отдельных публикаций в дальнейшем отпала, поскольку в процессе работы, в результате систематических поисков в архивохранилищах и за рубежом, были выявлены многие ранее неизвестные документы, относящиеся к теме. Характеризуя в конце жизни эту свою работу, М. П. Алексеев писал: «Оказалось, что между отдельными найденными рукописями, разновременными и, как представлялось, случайными, существует сложная внутренняя связь, а сами они являются важными и заметными звеньями в целой цепи устойчивых личных контактов или творческой зависимости между русскими и английскими поэтами и литераторами во все указанное время. Удалось установить, когда и по каким причинам эти документы попали в русские архивы или автографические коллекции, что вызвало интерес к их приобретению или долголетнему хранению, какие отношения связывали между собою английских и русских корреспондентов, что волновало или воодушевляло их, когда они посылали свои письма из городов Англии в русские местности или обратно и т. д. (...) Так постепенно, из нестройной, беспорядочной массы документов, находящихся в различных государственных хранилищах и частных коллекциях, выступала, прорисовывалась и определялась основная тема настоящей работы, образовывались заглавия и естественные центры составляющих ее глав, а вокруг этих центров располагались накапливающиеся материалы».⁹

Полагаем, что эта приведенная нами пространная цитата из предисловия «От автора» достаточно ясно описывает самый характер научного труда М. П. Алексеева. Он стремился к созданию целостных обобщающих исследований, где новонайденные рукописные материалы составляли бы важную, существенную, нередко основополагающую часть и в то же время учитывались бы результаты изучения данной и смежных с нею тем русско-английских литературных взаимосвязей в мировой науке. Осуществление замысла растянулось на многие годы, в течение которых ученый постоянно добавлял новые обнаруженные материалы, вносил уточнения, поправки. Важным этапом в работе явилась его поездка в 1963 г. в Великобританию, где занятия в библиотеках и архивохранилищах Лондона, Оксфорда, Кембриджа, Эдинбурга и других городов позволили ему обогатить свой труд новыми сведениями,

⁹ Русско-английские литературные связи (XVIII век—первая половина XIX века): Исследование академика М. П. Алексеева // Литературное наследство. М., 1982. Т. 91. С. 12.

почерпнутыми из архивных документов и редких изданий, отсутствовавших в отечественных библиотеках.

Исследование было задумано в двух томах, первый из которых охватывал период до середины XIX в.; вторую половину века предполагалось осветить во втором томе. М. П. Алексеев успел завершить работу лишь над первым томом, который вышел в свет уже посмертно (см. прим. 9). Том этот составляют восемь отдельных монографических глав (приводим для примера некоторые заглавия: гл. I. «Первые литературные встречи», гл. IV. «Вальтер Скотт и его русские знакомства», гл. VII. «Пушкин и английские путешественники в России»).

Для намечавшегося второго тома в рукописях осталось восемь не доработанных окончательно глав. Две из них публикуются в настоящем сборнике. Одну главу, названную первоначально «Вильям Рольстон, его русские друзья и корреспонденты», после дополнения ее и доработки учеником и последователем М. П. Алексеева удалось издать отдельной книгой.¹⁰

Характеризуя исследовательский метод М. П. Алексеева, его стремление к конкретности и точности, необходимо особо отметить богатый и многосторонний библиографический аппарат, неизменно содержащийся в трудах ученого, удостоверяющий подлинность приводимых им сведений и правильность его умозаключений. Нередко подстрочные примечания в этих трудах содержат целые подборки литературы по отдельным вопросам и превращаются в своего рода мини-экскурсы, дополняющие и уточняющие основное исследование.¹¹

В заключение имеет смысл упомянуть оставленную М. П. Алексеевым библиотеку. Тщательно собиравшаяся многие десятилетия, она в итоге насчитывала около 20 тысяч томов на русском и западноевропейских языках, и тематические отделы ее соответствуют направлениям исследований ученого, которому она служила домашним подспорьем при создании его научных трудов.¹² И она может служить своеобразным памятником М. П. Алексееву, свидетельством его неустанного разностороннего и принципиально конкретного изучения истории мировой литературы, составляющих ее отдельных литератур и их многогранных взаимосвязей.

¹⁰ Алексеев М. П., Левин Ю. Д. Вильям Рольстон — пропагандист русской литературы и фольклора: С приложением писем Рольстона к русским корреспондентам / Отв. редактор акад. Д. С. Лихачев. СПб., 1994.

¹¹ См.: Никифоровская Н. А. Библиография в трудах М. П. Алексеева // Вестник Ленинградского университета. 1972. № 14. История, язык, литература. Вып. 3. С. 151—154.

¹² См.: Баскаков В. Н. Ученый и книга (о библиотеке академика М. П. Алексеева) // Русская литература. 1983. № 2. С. 184—199. — После кончины ученого наследники его передали библиотеку в Череповецкий краеведческий музей.